

Хорошо!

Вчера, в восемь часов вечера, радио оповестило советский народ о новом значительном снижении цен на продовольственные и промышленные товары массового потребления.

В этом важном акте Советского правительства — могущественного социалистического строя, и нашего строя, созданного на основах старого мира, отброшенного и отброшенного нами в суровых боях с врагами, подбитого и возмужавшего нами в неустанных трудах!

— Спасибо Сталину, спасибо за думу о нас, — от всего сердца говорят сегодня народ. — Спасибо партии большевиков!

Каждый понимает, что только в стране, руководимой такой партией, в стране, которую выстоял и ведет к победе мудрый вождь и учитель — товарищ Сталин, возможно неуклонное и планомерное, в государственных планах предусмотренное улучшение жизни народа.

Еще больше укрепился наш советский рубль. Повысилась его покупательная способность, повысился его курс в отношении иностранных валют.

От нового снижения цен наше население выиграет в течение одного года 110 миллиардов рублей.

Не в первый раз после войны советское правительство снижает цены и, таким образом, повышает уровень жизни советских людей. Так было уже дважды: в 1947 и 1949 годах — 86 миллиардов рублей и 71 миллиард рублей! И теперь еще — 110 миллиардов рублей.

Хорошо!

Хорошо не только потому, что сегодня на каждый рубль можно купить больше продуктов, больше товаров — себе, семье своей, детям, — чем только было вчера. Новое постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) олицетворяет основную жизненную линию нашего строя, его природу — расцвет и радость человеческого, неутомимого движения вперед, в светлым и уже осмысленным временем коммунизма.

Что сказал Сталин, то сбывается.

«...особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары...», — так говорил товарищ Сталин 9 февраля 1946 года на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы.

Прошло четыре года.

Твердо держит свое большевистское слово Советское правительство. С опережением заданных сроков выполняется величайшая программа послевоенного сталинского плана — героическая страна нашей борьбы за коммунизм.

Посмотрите вокруг! Страна, руководимая гением Сталина, сумела в считанные годы поднять из пепла и развалин разрушенную войной, краем и областей. Страна сумела там, где еще вчера стояли обгоревшие руины, построить, краше, лучше, богаче, прочнее, заводы и жилые кварталы. Страна сумела преодолеть лютой уровень нашей великой индустрии, летящая сталинскими пятилетками. В необъятные просторы полей пришли многотысячные колонны новых машин. Горы золотого зерна и белого хлопка дают России высокоурожайное коллективное сельское хозяйство.

Этот труд, товарищи; это наша жизнь!

Вот где истинное все растущее благосостояние советского народа и, значит, личное счастье каждого из нас.

Личное счастье — это рост республики нашей, богатства и силы.

Так говорил Владимир Маяковский. Так он и есть!

Посмотрите вокруг! В каждом городе растут новые дома, — за четыре года восстановлены и построены жилища общей площадью свыше 72 миллионов квадратных метров. Сколько новоселов справились советские семьи! Каждый месяц из

Советского Союза получают таких выплат на сумму свыше 110 миллиардов рублей. Сколько миллионов матерей растут ребята без оглядки на черную дыру! Сколько студентов овладевают культурой, знаниями, не думая о хлебе насущном! Сколько старых людей, заработавших себе право на отдых, могут отдыхать спокойно! Государство заботится о них.

Последовательное снижение цен есть лишь звено в цепи великих государственных забот о народе. Это подчеркнуто в Обращении Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) ко всем избирателям:

«В отличие от капиталистических немилосердных безжалостных забот государства о благосостоянии народа. В этом состоит важнейший закон развития нашего социалистического общества».

Не только в пределах нашей страны слышат советское радио, — его слышат во всем мире. Большинство человечества, люди с любовью и надеждой. События жизни в нашей стране, жизнь капитализма — с ненавистью и отчаянием. Правда нашей жизни просветляет упрямые лица миллионов безработных у ворот Америки и Европы. Правда нашей жизни проникает и к женщинам, стоящим в хмуром мартовском утре в очередях у лавок на окраинах Лондона, Парижа и Рима.

Там — цены растут.

В Италии цены на сыр и масло возросли по сравнению с 1938 годом в 75 раз, на мясо — в 70 раз, на молоко — в 60 раз, на вино и сало — в 45 раз.

В Англии за один лишь прошлый год зерновые продукты вздорожали на 31 процент, мясо, рыба, яйца — на 23 процента. Там попрежнему картонки. В самые трудные годы войны не было в Англии такого строгого нормирования продуктов, как теперь, спустя пять лет.

Но, может быть, в Соединенных Штатах, самой богатой стране капитализма, легче живется трудовому люду? Заработная плата рабочего на одну треть ниже прожиточного минимума. Цены растут. Квартирная плата съедает до сорока процентов бюджета рабочей семьи. Из десяти американских семей восемь лишены возможности пользоваться услугами врача. Шесть миллионов американских ребят не знают дороги в школу.

Силу закона обрела бессмертная характеристика капитализма, данная Марксом: «...Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, отчуждения и моральной деградации на противоположном полюсе».

Капитализм — это голод и рабство, это гибель для трудящихся, для простых людей.

Социализм — это невиданный в истории подъем жизненного уровня миллионов, эпоха величайшего расцвета творчества и талантов.

Сталинская эпоха!

С чувством гордости и удовлетворения оглядываясь свою Родину советский человек. Никогда не отделил он свою судьбу от ее великой судьбы. Ни в годы испытаний и горя, ни в годы подъема и счастья.

Советский человек любит и умеет трудиться.

Новым взлетом трудовой активности отвечает народ на сталинскую заботу. Работать еще производительнее — одно стремление масс. Умножить общественные богатства, создавать полновесное материальное и духовное богатство — естественная потребность советских патриотов. Этим дышит сегодня вся страна, сплоченная вокруг партии большевиков, вокруг Сталина.

За Сталина, за партию, за кандидатов блока коммунистов и беспартийных будем голосовать на предстоящих выборах.

Вступаясь в голос народа. На агитпунктах, на митингах в пещерах, в колхозах, в институтах и учреждениях, на предвыборных собраниях весь народ горячо одобряет политику родной партии. Люди выражают свое чувство по-разному, но самое чувство — оно одно, всеобщее. И выразить его легко коротким словом:

Хорошо!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 18 (2609)

Среда, 1 марта 1950 г.

Цена 40 коп.

Владимир ПОПОВ

СТАЛЕВАРЫ

Глава из нового романа «Три фронта»

Несколько раз Макаров заходил в партийный комитет, надеясь увидеть партгоса, но того все не было. Василий Николаевич, а это не удивляло. И в Донбассе Гасевой большую часть времени проводил на заводе, в пещерах, среди рабочих. Найти его было нелегким делом. Обычно он приходил сам и всегда туда, где был наиболее нужен, расспрашивал, решал на месте ряд вопросов, и после его ухода у многих отпадала необходимость идти в партийный комитет.

Вот и на этот раз Гасевый появился перед Макаровым неожиданно. Встретились они за печью, встретились так, словно выжили только вчера, и не было в недалеком прошлом ни эвакуации, ни взрыва завода, ни тревожных дней сады на автомашинах под обстрелом фашистских стрелков. Только руку Макарову партгор сразу сильнее обычного и внимательно, чем всегда, взглянул ему в глаза. Он ничего не спрашивал, потому что все уже знал, не утешал, так как верил, что лучшее лечение от любого горя — это забвение в работе.

Они молча прошли через пещ. Гасевый не любил общих вопросов: ну как дела, как живешь. Только в кабинете начальника пещ, сняв кепку (и поэтому Макаров полагал, что партгор расположился надолго), Гасевый спросил:

— Повеселело в пеще?

— Не только в пеще, на душе у людей повеселело, и знаешь, Григорий Андреевич, не только потому, что пещи жарче пошла, силу коллектива люди почувствовали, силу критики, — назвали и появились газ.

— Вот это особенно хорошо. Критика здесь давно не водилось и веры в нее не было. — Гасевый внимательно рассмотрел диаграмму работы пещи. — Ты, говорят, здесь очень здорово соревнование провел? — Говорят, хорошо получилось, и цену я сейчас многим людям знаю.

— Смотри не ошибись. Иной может себя мобилизовать на короткое сильное напряжение. Показет товар лицом, а потом остынет. Важнее другое, постоянное, повседневное горение, а это труднее. То, что Владимир Ильич называл героизмом будней.

— Если я и ошибусь, то не на много, люди на ходу подправят.

— Это хорошо, если на ходу. Значит, врос уже в коллектив.

— Немного.

— Брос. Не скромничай. Знаю. Я ведь первую ночь у Шатилова спал.

— У Шатилова? — переспросил Макаров.

— У него. В гостиюину идти не хотелось. Ротом к себе звал, но, знаешь, не прямишь я у директоров одалживаться. Хотел и в старый соратник. Ну так насчет соревнования. Пошутил я умолял?

— Нет, соревнуемся.

— Как обычно? Договор. Проверка. Итого. А потом договоры опять на месяц в адми.

— Ну, да.

— Нет, это не пойдет. — Гасевый встал, сбросил пальто, но не сел. — Это не пойдет. Пермяков и Шатилова должны были подсказать тебе кое-что новое, и это новое нужно подхватить.

Макаров задумался, но Гасевый не дал ему долго размышлять.

— Начал ты очень хорошо, завод и продолжай так, на подходе, на высоком тонусе, на новых началах. С газом стало лучше, ты и притихи немного, берешь то, что дает техника, а надо брать и то, что могут дать люди. Долой?

— До сердца дошло. — отозвался Макаров. — Вот здесь, — он постучал пальцем по лбу, — есть нечто не реальное.

Гасевый молчал и смотрел в окно. Мимо прошел паровоз, подававший к пещам вагоны с шихтой. Стены здания слегка задрожали. Пар скрывал пещ, но потом рассосался, и снова стали видны пещи. Завалочное окно одной из них открылось, и свой ярчайший свет ударил Гасевому в глаза. Он заморгался и отвернулся.

— Вот в чем дело, Вася, — проникновенно сказал Гасевый, — пойми, и лучше наши сталебары только двадцать-тридцать процентов операций ведут образцово. Возьми Шатилова — он владеет искусством не студить пещ во время закрывания отверстия, часто начинает завалку немедленно после выпуска, еще не закрыв отверстия. Держит высокую температуру в пещи — он мастер теплового режима. А Пермяков мастер плашкового режима, у него в пещи всегда прекрасный плавок, активный, подвижный, обтекающий передачу тепла металлу.

Макаров смущался. Гасевый был механиком по специальности, и сам такой тонкости заметить не мог. Значит, очень подробно и по душам успел он поговорить с людьми.

— Иван Смирнов — тот учение. Пермякова, слепок с него, — продолжал Гасевый. — Сегодня нового от него не расклет, но жалость к тебе у него непереносима. На 13-й пещи, самой голодной в этом цехе, расклет сталебар Чечулина, тот — мастер завалки. Он так распределяет руду и камень, что шихта легко плавится, а тут дождика у него не получается, то ли пещ плохо греет, то ли умения нехватает, еще не ясно. Он не лучший сталебар в пеще, но на этой пещи самые высокие показатели у него.

Макаров не выдержал:

— Знаешь, Григорий Андреевич, мне даже неудобно, что ты мне хвалишь по технологии читаешь. Во-первых, я здесь уже месяц, а ты пятый день, у тебя завод, а у меня только пещ, и не технология твоя специальность.

— Мне обо всем этом в первую ночь рассказали. Я ведь соврал, что спал у Шатилова, не спал я и ребятами спать не давал. А у него товарищи по комнате —

печеные, хорошие ребята. На собраниях, вот беда, говорить не умеют, их на беседу вызывать надо, и тогда... слушаю, записываю, действую. Ты мою мысль поймал?

Паровоз снова прошел мимо окон, на этот раз унося порошковые вагоны. Снова все заволокло паром.

В кабинете Макарова у стола Шатилова и Пермяков. Иван Смирнов ерзает на стуле у стены и не сводит с Макарова смысленных глаз. Его лицо дышит юношеским зазором. У другой стены Степан Чечулин — высокий, сутулый сталебар — мрачно наспулился, опустил глаза в землю.

Василий Николаевич коротко рассказал о разговоре с Гасевым. Такая у него привычка: не присваивать чужих идей, не выдавать их за свои. Объяснил, что от сталебаров требуется: несколько плавок должны они провести вместе и получить друг друга лучшим приемом работы.

На лице у Шатилова согласие. Пермяков молча подтверждает кивком головы каждое слово начальника.

— Ну как? — спросил Макаров.

— Никак, — отрезал Чечулин. — Я этих богов ничему учить не собираюсь. У них по 115, а у меня 97. Затерял меня на дохлую пещ, сиди там силен. Поработаем вместе — они еще дальше уйдут, а меня засмеют вовек. А с Пермяковым я на одну скамью не сяду, но только на одной пещи работать. — И ни на кого не глядя, Чечулин вышел из кабинета.

— Чего это он на вас, Иван Петрович? — спросил Макаров.

Пермяков замолчал.

— Да он на всех так. А на меня особо. Силому не даю. За мной женой ухаживал, когда она еще мне женой не была. Да я помешал. И надо прямо сказать: то, что вы хотите, не со всеми провести можно.

— Почему? — сурово спросил Макаров.

— Душу щедрому нужно иметь. Деньги отдавать легко, — вещи нетрудно, а навыки... Приемы, которые голами приобретались, не всякий сразу отдаст.

— А вы как, например?

— Да и я не всякому. Вот с Шатилковым я с радостью всем поделюсь. А вообще душу свою, как и ворота, привью на замке держать. Присмотрюсь сначала, и, если человек стойкий, пускаю — заезжаю...

— Можно и иначе жить, — прервал его Шатилов. — Душу держать можно нараппу. Заезжай, кто хочет, а заедет — тот же присмотреться: стойкий — останется, нестойкий — вылезает.

— Можно и так. По тебе вижу, что можно, — охотно согласился Пермяков, — но, по-моему, все же вернее присмотреться.

Макаров понял, что и Пермякова так вот в лоб, как он думал, не возьмешь.

— Ну, хорошо, поверю. Только прошу обдумать все хорошенько. К этому вопросу мы еще вернемся.

Сталебары покинули. Василий Николаевич остался в кабинете одного Смирнова.

Завтра к Шатилкову на пещ пойдем, — сказал Макаров, когда за сталебарами закрылась дверь.

— А это зачем? Привык я к Пермякову. Чего я, как беспризорный, с пещи на пещ бегать буду?

— Через три-четыре дня к Чечулину.

— К этому бирюку я, хоть убейте, не пойду.

— А дней через десять я тебя самостоятельно на пещ поставлю. Командуй.

— За пещ спасибо, — оживился Смирнов. — Только не пойму я, что к чему?

— Садись и слушай.

Смирнов неотчетливо усаживается на стул, но слушает с большим любопытством. Макаров вращает огонек в пытливых глазах рабочего.

— Ты сейчас пока копию Пермякова. У него одного умения и только его приемы усвоил. Поработав у Шатилова, возьмешь лучшее у него. Потом присмотрись к Чечулину, у него тоже есть кое-чему поучиться. Таким образом ты усвоишь лучшие навыки лучших сталебаров. Понял?

— Ой, как еще понял, Василий Николаевич!

— Не поводи, — грозит ему пальцем Макаров. — Я делаю на тебя ставку. Твоя задача — впитать в себя лучшее и в первую декаду своей самостоятельной работы выйти на первое место, а мне тогда легче будет со стариками сладить.

Десять дней Смирнов выходил из пещи только ночью. Отработав смену, он оставался на пещи и сидел за каждым плаком сталебаров, изучая их приемы, сравнивая методы работы. Новый мир открылся его глазам. Смирнов всматривался во все, как губка, многое записывая и дома, свалившись от усталости в постель, долго не мог заснуть. Печи, сталебары, различные приемы работы во всем их многообразии стояли перед глазами. Смирнову казалось, что он впервые учится, как по-настоящему надо варить сталь. И если в день присуждения ему второго места Смирнов решил, что это вершина, то теперь понял, что и Шатилов и Пермяков далеки от совершенства.

...Сталебары в пеще давно уже работали по сменам, как и раньше, от гудка до гудка, но Макаров заставил Смирнова принять порошную пещ и работать до выпуска плавки.

Василий Николаевич не показывался на пещи, чтобы не смущать молодого сталебара, предоставлял ему полную инициативу, но все время следил за его работой по графику в диспетчерской.

Рекорд не получился. Плавка была свободной на уровне средней плавки, на один час раньше графика.

Смирнов пришел в кабинет Макарова в подавленном состоянии, упрямая — самого себя, окаяная упрямость. Но Макаров встретил его приветливо.

— Садись и молчи. Не оправдывайся. Губка может все впитать и все отдать обратно. У человека это не так просто. Знать и уметь — это разные вещи. Ты знаешь, что нужно делать, но еще не умеешь. И притом неровно — чаше ты. Горышешься. Вот твои ошибки. — Макаров показал график. — Чугун потонул в залив. Шихтованная плавка плохо. Газ часто каплет. Спокойнее надо. Отдохни сутки. В театр пойди — помогает выключиться. А потом опять. За один раз дерево не срубить, а ты за большое дерево взялся.

Еще три плавки провел Смирнов, освоив новые приемы, и вот, наконец, пятая плавка прошла на два с половиной часа раньше графика. Это был общезаводской рекорд. О молодом сталебаре заговорили все. Его портрет появился в газете. О его рекорде оповестило радио Совинформбюро.

В кабинете Макарова собрались все сталебары, свободные от работы. Василий Николаевич лукаво поглядывает на их лица. Пермяков сидит грустный. Чечулин наспулился, губы сжались в брови. Шатилов спокоен, но спокойно это лицо напускное.

— Что же это получается, старики, — наконец произносит Макаров. — Становится к пещи юнша девятидцати лет и утирает нам всем нос. За него я рад, но за вас всех, простите за прамуту, стыдно. Собрал вас учиться у Смирнова Ивана Трифоновича. Ему я слово.

Смирнов выступает впервые за свою короткую жизнь. Он встает красный, словно только что от пещи, долго молчит, совершенно не зная, куда лезть рукам, то засунет их в карманы, то вынет, и вдруг спасение... берет протанную Макаровым папиросу, но держит ее, не закуривая. Острой руке нашлось дело, с другой легче справиться.

— Дорогие учителя мои, — наконец произносит он глухо. — Мне нечего рассказывать вам, потому что все вы знаете сами и гораздо лучше меня. Только знаете вы многое хорошее порою, а я взял все лучшее у вас и соединил вместе. Ответьте я закрывал по-шатиловски, завалку вел по-чечулински, плавку по-чиганковски (есть такая сталебар в первом марте), плашкового режима держу так, как учил меня Пермяков Иван Петрович. И если вы все это друг другу расскажете и покажете, ваши плавки пойдут еще скорее, чем моя. Вот и все.

Смирнов садится и закуривает намотанную папиросу.

В комнате долго молчат. Макаров курит с видом пользы, равнодушия, глядя куда-то в даль, поверх голов. Он хочет, чтобы сталебары разговаривали сами.

Шатилов смотрит на Пермякова и улыбается. Хорошая у него улыбка, без тени зависти. Она словно говорит: «Ну, что, проучил нас, старина, не беда, мы свое возьмем, мы еще покажем». Слегка улыбается Чечулин, улыбаются по-своему — глаза серьезные, уголки губ задрожали. Он доволен — боги низвергнуты, и он, Чечулин, тоже, оказывается, может кое-что поучить. Смирнов смущен общим вниманием, ему даже неловко при мысли, что он обогнал всех этих людей, которые его учили. Пермяков озадачен и усленно почесывает то место, где когда-нибудь еще будет лысина, а сейчас зазорным вихром торчат жесткие седые волосы.

Все сидят в раздумьи, а вот выступать никто не хочет. Макарову это надоел.

— Слушайте, друзья, — наконец говорит он, откладывая в сторону папиросу, — я же вас не на митинг позвал, где надо речь держать, а на беседу. Давайте же побеседуем. Для вас же стараюсь.

— Разрешите? — спрашивает сталебар, и Макаров кажется, что он ослышался. Это Чечулин.

— Ну, конечно, — обрадованно отвечает Василий Николаевич.

Чечулин встает.

— Говорите сюда, беседа у нас, не митинг, — бросает ему Макаров, но Чечулин настроен торжественно.

— За себя лично я спасибо хотел сказать товарищу Гасеву и товарищу начальнику. Первый раз обо мне за два года понастоящему похвалились, поддержали. А за всех нас тоже спасибо — за такой урок. Это как в старой побасенке с веником. По одному прутку веник сложить можно, а вот когда прутки вместе — погребай, войми. Прижал ты нас, Василий Николаевич, через этого Смирнова, прижал так, что довести некуда. Он у нас учился, а мы друг у друга не учимся.

Чечулин сел.

— Какие же выводы из этого? — унылостью, спросил Макаров.

— А вот какие. Подручных сталебаров учить, как Смирнов учился, не у одного, а у всех. Каждый будет ему лучше передавать.

— А еще?

— А вот еще что. Завтра берите меня, Шатилова, Пермякова, еще кого-либо и ставьте на одну пещ в одну смену. Шатилов отверстие закрывает, я завалку слегаю. Пермяков шихом займется. Друг у друга поучимся, лучшее отберем и парнишку перекрем. Ведь перекрем, братцы?

— Перекрем, — загалудил сталебары. — Пускай только птанишки подтягивает.

Такой бригады не выдана ни одна пещ завода. Пять лучших сталебаров заняли рабочие места. Пермяков, Шатилов, Чечулин, Смирнов, а также Чиганков, которого по просьбе Макарова отпустили на несколько дней начальник первого мартея Кайгородов.

Бригада принялась за работу в момент

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

1 стр. Перепоная. Хорош! Н. Погорин. Слушая радио. В. Попов. Сталебары (глава из романа «Три фронта»).

2 стр. А. Катков. Наш писатель. Н. Гребнев. Светлая судьба поэта. Я. Смеляков. Гости из Башкирии. И. Сергеев. Книжки тесно!

3 стр. Зеркало работы — журнал «Звезда» за 1949 год. С. Шипачев. О высокой требовательности. Э. Паперный. Сергей Никифорович, его родные и близкие.

4 стр. И. Смиг. Мои впечатления о Советском Союзе. С. Гудзенко. Эстафета мира. А. Леонидов. Американский парламент в Англии. Немецкая молодежь против войны.

5 стр. Зеркало работы — журнал «Звезда» за 1949 год. С. Шипачев. О высокой требовательности. Э. Паперный. Сергей Никифорович, его родные и близкие.

6 стр. И. Смиг. Мои впечатления о Советском Союзе. С. Гудзенко. Эстафета мира. А. Леонидов. Американский парламент в Англии. Немецкая молодежь против войны.

7 стр. Зеркало работы — журнал «Звезда» за 1949 год. С. Шипачев. О высокой требовательности. Э. Паперный. Сергей Никифорович, его родные и близкие.

8 стр. И. Смиг. Мои впечатления о Советском Союзе. С. Гудзенко. Эстафета мира. А. Леонидов. Американский парламент в Англии. Немецкая молодежь против войны.

9 стр. Зеркало работы — журнал «Звезда» за 1949 год. С. Шипачев. О высокой требовательности. Э. Паперный. Сергей Никифорович, его родные и близкие.

10 стр. И. Смиг. Мои впечатления о Советском Союзе. С. Гудзенко. Эстафета мира. А. Леонидов. Американский парламент в Англии. Немецкая молодежь против войны.

11 стр. Зеркало работы — журнал «Звезда» за 1949 год. С. Шипачев. О высокой требовательности. Э. Паперный. Сергей Никифорович, его родные и близкие.

12 стр. И. Смиг. Мои впечатления о Советском Союзе. С. Гудзенко. Эстафета мира. А. Леонидов. Американский парламент в Англии. Немецкая молодежь против войны.

13 стр. Зеркало работы — журнал «Звезда» за 1949 год. С. Шипачев. О высокой требовательности. Э. Паперный. Сергей Никифорович, его родные и близкие.

14 стр. И. Смиг. Мои впечатления о Советском Союзе. С. Гудзенко. Эстафета мира. А. Леонидов. Американский парламент в Англии. Немецкая молодежь против войны.

15 стр. Зеркало работы — журнал «Звезда» за 1949 год. С. Шипачев. О высокой требовательности. Э. Паперный. Сергей Никифорович, его родные и близкие.

16 стр. И. Смиг. Мои впечатления о Советском Союзе. С. Гудзенко. Эстафета мира. А. Леонидов. Американский парламент в Англии. Немецкая молодежь против войны.

17 стр. Зеркало работы — журнал «Звезда» за 1949 год. С. Шипачев. О высокой требовательности. Э. Паперный. Сергей Никифорович, его родные и близкие.

18 стр. И. Смиг. Мои впечатления о Советском Союзе. С. Гудзенко. Эстафета мира. А. Леонидов. Американский парламент в Англии. Немецкая молодежь против войны.

19 стр. Зеркало работы — журнал «Звезда» за 1949 год. С. Шипачев. О высокой требовательности. Э. Паперный. Сергей Никифорович, его родные и близкие.

20 стр. И. Смиг. Мои впечатления о Советском Союзе. С. Гудзенко. Эстафета мира. А. Леонидов. Американский парламент в Англии. Немецкая молодежь против войны.

21 стр. Зеркало работы — журнал «Звезда» за 1949 год. С. Шипачев. О высокой требовательности. Э. Паперный. Сергей Никифорович, его родные и близкие.

22 стр. И. Смиг. Мои впечатления о Советском Союзе. С. Гудзенко. Эстафета мира. А. Леонидов. Американский парламент в Англии. Немецкая молодежь против войны.

23 стр. Зеркало работы — журнал «Звезда» за 1949 год. С. Шипачев. О высокой требовательности. Э. Паперный. Сергей Никифорович, его родные и близкие.

24 стр. И. Смиг. Мои впечатления о Советском Союзе. С. Гудзенко. Эстафета мира. А. Леонидов. Американский парламент в Англии. Немецкая молодежь против войны.

25 стр. Зеркало работы — журнал «Звезда» за 1949 год. С. Шипачев. О высокой требовательности. Э. Паперный. Сергей Никифорович, его родные и близкие.

26 стр. И. Смиг. Мои впечатления о Советском Союзе. С. Гудзенко. Эстафета мира. А. Леонидов. Американский парламент в Англии. Немецкая молодежь против войны.

27 стр. Зеркало работы — журнал «Звезда» за 1949 год. С. Шипачев. О высокой требовательности. Э. Паперный. Сергей Никифорович, его родные и близкие.

28 стр. И. Смиг. Мои впечатления о Советском Союзе. С. Гудзенко. Эстафета мира. А. Леонидов. Американский парламент в Англии. Немецкая молодежь против войны.

29 стр. Зеркало работы — журнал «Звезда» за 1949 год. С. Шипачев. О высокой требовательности. Э. Паперный. Сергей Никифорович, его родные и близкие.

30 стр. И. Смиг. Мои впечатления о Советском Союзе. С. Гудзенко. Эстафета мира. А. Леонидов. Американский парламент в Англии. Немецкая молодежь против войны.

31 стр. Зеркало работы — журнал «Звезда» за 1949 год. С. Шипачев. О высокой требовательности. Э. Паперный. Сергей Никифорович, его родные и близкие.

32 стр. И. Смиг. Мои впечатления о Советском Союзе. С. Гуд

НАШ ПИСАТЕЛЬ

Если взглянуть в эти дни на наш Пятигорск со склонов Бештау, кажется, будто в городе распустились алы цветы. И это не розы, как это бывает у нас с весны до поздней осени. Но на дворе февраль. И это не розы — это флаги, кумачевые полотнища на стенах лучших домов курорта, где сейчас избирательные участки и агитпункты.

Хороши, солнечны эти воздушные дни — советский народ выдвигает своих лучших сынов кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР.

Кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по Пятигорскому избирательному округу зарегистрирован наш талантливый земляк Семен Петрович Бабаевский — писатель, лауреат Сталинской премии, автор романов «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землей».

Вспомню интересный разговор. Не так давно наш товарищ, комсомолец Сергей Морозов спросил секретаря заводского комитета комсомола Октябрья Риполову:

— Как вы думаете, если бы герой книги Бабаевского Сергей Тугаринов не имел такого друга-советника, как секретарь райкома партии Кондратьев, был бы выпущен пятилетний плац в Усть-Невинской?

— Конечно, — улыбаясь, ответила Риполова. — Был бы другой друг-советчик, и, наверно, не хуже. Ведь наших людей одинаково — и Тугаринова и Кондратьева — воспитывает коммунистическая партия, Тугаринова учит и направляет заботливый партийный руководитель, а Кондратьева — замечательные люди окружают Сергея Тугаринова!

— Вы правы, — согласился товарищ. — За то и любим мы книги Семена Петровича, за то, что у героев книг Бабаевского есть чему поучиться.

Я хорошо запомнил этот разговор о творчестве нашего кандидата в депутаты.

Захотелось еще раз перечитать «Кавалера Золотой Звезды». Перелюбимый герой — знакомый потому, что часто думаю: вот-вот встречу Сергея Тугаринова. Такие люди живут среди нас, вместе с нами строят коммунизм.

Знаю жизнь, богатая наблюдательностью, постоянная связь с народом помогают писателю Бабаевскому создавать свои книги. «Кавалер Золотой Звезды» — не просто увлекательный роман, нет, это произведение учит, как нужно бороться, обогнать жизнь, как нужно дорожить каждой минутой, как нужно дорожить рублем, укрепляя материальную базу колхозного хозяйства, повышая благосостояние колхозников.

Эти мы и учим при выдвижении Семена Петровича кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Объяснение литературного успеха Бабаевского мы, его земляки, видим в том, что писатель влезал за родную, близкую ему тему. Биографии его героев неразрывно связаны с биографией самого Бабаевского.

Он родился в бедной крестьянской семье в 1909 году. Лет двадцать назад Семен Петрович Бабаевский работал издателем, потом — секретарем комсомольской организации, корреспондентом районных и краевых газет. Все, чем жил наш трудовой народ, кубанские казаки, станицы, вступающие на колхозный путь, составляли жизненные интересы С. П. Бабаевского, его повседневную общественную деятельность.

Это — наш человек, на которого можно положиться! Как работник большевистской печати С. П. Бабаевский всегда решительно вмешивался в жизнь станиц и хуторов, корреспонденциями, а то и просто добрым советом, выступлением на собраниях или на заседаниях правления колхоза.

С большим интересом следим мы за формированием Бабаевского как писателя.

В первых небольших рассказах он писал о трудовых буднях простых советских людей. Мы без труда узнаем людей, образы которых нарисованы в произведениях молодого писателя, в сочных пейзажах мы видим родные места — села, хутора, станицы...

И теперь, ставши известным советским писателем, С. П. Бабаевский расширяет и углубляет свои кровные связи с друзьями-станицниками. Он всюду бывает, все знает, до всего ему есть дело. Дают ему поручение в город, — он обязательно выполнит, обратится с жалобой, — он свяжется с нужным учреждением, доведет дело до конца.

Связь писателя с народом неразрывна. Так мы и понимаем роль писателя в советском обществе. Ведь писатели, по определению товарища Сталина, инженеры человеческих душ. А кто боится за душу человека, тот стремится к возвышению человека, к отысканию в нем лучшего, здорового, чистого. Изображать именно эти черты — такова жизненная цель Бабаевского, его творческое стремление.

Только писатель-патриот, горячо любящий свою Родину, живущий интересами своего народа, способен создать произведения, в которых так ярко показана наша замечательная жизнь. Вот почему-то наш замечательный писатель и общественный деятель С. П. Бабаевский кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

12 марта мы единодушно проголосовали за талантливого земляка, верного сына советского народа, кандидата сталинского блока коммунистов и беспартийных — Семена Петровича Бабаевского.

А. КАТКОВ,
начальник литейного цеха Пятигорского мотороремонтного завода

Встреча П. Павленко со своими избирателями

СИМФЕРОПОЛЬ. (Соб. инф.). По-весеннему теплый день. На театральной площадке Евпатории собрался многочисленный митинг. На разукрашенных тачанках и автомобилах съехались колхозники Евпаторийского и Сакского районов. Это первая встреча писателя Петра Андреевича Павленко — кандидата в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР — со своими избирателями.

На трибуну поднимаются рабочие, колхозники, представители интеллигенции. Они рассказывают о жизненном пути своего кандидата, его государственной деятельности. И, конечно, в первую очередь, о его романе «Счастье», который известен каждому избирателю. Выступавшие говорили, что «Счастье» стало настольной книгой для сотен тысяч колхозников, а Воропаев — их героем, которому верят и подражают.

Слово берет рабочий одного из евпаторийских коммунальных учреждений тов. Власенко.

— На окраинах нашего города, товарищи, идет сейчас фильм «Падение Берлина», — говорит тов. Власенко. — В этом фильме создан незабываемый образ великого Сталина, показано могущество советской державы. Такие высокохудожественные произведения может создавать только писатель, который тесно связан с народом, живет его думами и интересами. Таким и является наш кандидат в депутаты Петр Андреевич Павленко, которого вырастила и воспитала большевистская партия, наш Сталин. Перед нами, товарищи, народный писатель и государственный деятель, неустанный борец за мир. И за него мы охотно отдадим свои голоса.

Митинг в Евпатории был первым, на котором выступал П. Павленко. Он баллотируется по Краснодарскому избирательному округу, охватывающему Севастополь, Сочи, Краснодарский край и Крымскую область. Вторая встреча писателя — кандидата в депутаты с избирателями состоялась в Симферополе, третья — в Ялте.

П. Павленко, выступая на этих встречах, горячо благодарит за оказанное ему доверие, которое является, как он сказал, раннее всего доверием народа к коммунистической партии, членом которой он является.

— Со своей стороны, — заявил П. Павленко, — я постараюсь еще более неустанно и неутомимо работать на благо советского народа.

Избиратели с Крайнего Севера

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В агитпункте, созданном в помещении студенческого клуба Педагогического института им. А. И. Герцена, можно увидеть интересную книжную выставку изданий, выпущенных на языках северных народов. Здесь буюки, школьные учебники, сочинения Ленина и Сталина, переводы произведений русской классической и современной советской литературы, книги писателей молодых литератур Севера.

Не случайно эта выставка открыта в агитпункте студенческого клуба Педагогического института. При институте существует отделение народов Крайнего Севера — один из тех культурных очагов, где создаются кадры молодой интеллигенции: неженцев, саамов, маньчжун, эвенков, эвенов, нанасов, удэгов, чукчей, коряков, не имеющих до революции даже своей письменности.

«В 1925 году впервые приехали учиться в Ленинград двадцать шесть молодых людей с Севера. Они были участниками и очевидцами событий, описанных Т. Семухиным в романе «Аллит ухалит в горы». Новое поколение северных народов — молодые студенты, собиравшиеся на вечер избирателей, знают об этом прошлом лишь по рассказам стариков да по книгам Т. Семухина.

Выступая на вечер, они рассказывали о чудесном сегодняшнем дне — культурной, зажиточной жизни в колхозах, о школах, библиотеках, клубах, научных учреждениях, городах и культурах, где работают сыны и дочери северных народов.

— За эту жизнь мы и будем голосовать 12 марта, — говорил выступивший на вечер студент чукча тов. Гутюгин. — Мы будем голосовать за кандидата блока коммунистов и беспартийных — за певца сталинской дружбы народов поэта Николая Тихонова. Мы знаем и любим его творчество, читаем его книги — не только на русском языке.

И он показал книгу Н. Тихонова «Симон-большой», переведенную на эвенкийский язык В. Н. Удальцова — ныне кандидата в депутаты Верховного Совета СССР по Эвенкийскому избирательному округу.

Вечер молодых избирателей закончился большим концертном художественной самодеятельности. Много национальных песен и стихов на разных языках услышали мы в этот вечер на агитпункте, и эти песни и стихи — о родном Сталине — были всем понятны и дороги. Всем было понятно и волнение, с которым студент нанай Андрей Пассар прочел переведенные им на нанайский язык стихи Маяковского:

Читайте,
завидуйте,
гражданин
Советского Союза.

«ПОД СОВЕТСКОЙ ЗВЕЗДОЙ»

КИЕВ. (Наш корр.). Издательство «Радяньскій письменник» выпустило большим тиражом литературно-художественный сборник «Под советской звездой», посвященный выборам в Верховный Совет СССР. В первом разделе книги помещены стихи, рассказы и отрывки из произведений, показывающие преимущественно нашего социалистического строя и нашей избирательной системы, всенародную любовь к товарищу Н. В. Сталину — теории самой демократической конституции в мире. Второй раздел раскрывает жизнь избирательной системы капиталистических стран.

Гости из Башкирии

В клубах и дворцах культуры столицы с большим успехом, при переполненных аудиториях, проходит вечера башкирской поэзии. И это является само по себе одним из чудес, возникших на основе советской власти. В Башкирии, не имевшей прежде, до Великой Октябрьской революции, даже письменности, за сравнительно короткое время родилась и окрепла своя литература: поэзия, проза, драматургия. Эта литература играет роль не только в пределах республики: она выходит на всесоюзную арену, она обогащает всенародную сокровищницу нашего искусства.

Русскому читателю отлично известны имена родоначальника башкирской литературы Мажита Гафури, его верного ученика Сайфи Кудаша — нынешнего старейшины писателей республики, потом Мустаи Карима и Рахмита Нигматии. Сейчас «Советский писатель» выпускает большую антологию «Поэты Башкирии» и повесть А. Бикнентаева «Право на бессмертие» — о русском солдате, гвардии рядовом Александре Матросове.

В Москве, городе, в котором работает великий Сталин, к ленинскому мавзолею, легендарной Красной площади и несомненно Кремлю все время стремятся сердца ленивых башкирского народа.

Я, как на крыльях, прилетел с Урала в Москву не ради прихоти своей... Нет, снова кровь моя затосковала. По самой дорожке из площадей. Скорей туда. Я буду жалеть у входа. Войти я первым в мавзолей хочу: Ведь я люблю башкирского народа С собой принес в подарок Ильичу, — пишет Сайфи Кудаш.

На этот раз Сайфи Кудаш не приехал в Москву, но те же чувства и мысли мы с волнением услышали и узнали в стихотворениях и песнях его товарищей, его последователей, его преемников.

Современной башкирской поэзии и в особенности ее лучшим образам присуща простота, идущая от народной поэзии, и высокий советский патриотизм. В годы сталинских пятилеток отряд башкирских литераторов пополнился новыми творческими силами. Салит Агит, Рахит Нигматии, Салит Мифтахов, Г. Салим, Ханфи Барим, Акрам Бази, Баязит Бикбай, Гайнан Амин, Салих Кузайби, Калыр Лайи и другие принесли с собой новые темы, отобразили в литературе новых людей социалистической Башкирии.

Надотворно участие у классиков русской литературы, у лучших советских русских писателей, эти молодые силы сделали много для расцвета своего родного искусства.

Люди, не бывавшие в тех краях, знающие Башкирию по старой литературе, как отсталый край сохи и деревянной боромы, ныне, читая и слушая стихи башкирских поэтов, видят, как бы на экране, современную республику индустрии и социалистического сельского хозяйства: ее нефтяные вышки и заводы, тучные поля и светлые села, слышат ровное бегство ее рабочего сердца.

Мустаи Карим пишет о людях «Второго Баку»:

Встали вышки стройными лесами.
И на труд упорный и большой
Вышли люди с узкими глазами
И широкой, словно степь, душой.

Тема индустрии занимает в башкирской поэзии все большее место.

Вечера, проходящие сейчас в Москве, свидетельствуют о неодолимом росте башкирской поэзии. От имени многочисленных слушателей этих вечеров пожелаем поэтам социалистической Башкирии новых успехов, новых достижений!

Ярослав СМЕЛЯКОВ

И. СЕРГЕЕВ

КНИГАМ ТЕСНО!

Выше семисот миллионов экземпляров разнообразнейших книг было продано за один только прошлый год в нашей стране. В среднем, исключая ребят дошкольного возраста, каждый гражданин СССР получил 4—5 книг. Ни одна страна мира не знает таких огромных тиражей высококачественной литературы, не знает такого размаха книготорговли. И немалое, пожалуй, известна та большая и сложная работа, которую изо дня в день ведет главный отдел культуры армии СССР — советские книжники. Ведь любая книга, учебник, брошюра, ноты, календарь, технический справочник, географическая карта, словарь, плакат попадают к нам из рук книжников. В этом потоке книг только один книжничек приходится на каждого человека, а всего около сорока тысяч названий. Каждое из которых имеет свой тираж, своих читателей, свою судьбу.

Путь книжного потока напоминает реку, текущую не от истока к устью, а наоборот, от устья к истоку, так же, как течет электроток: в начале по толстому кабелю, затем по медным проводам, висящим на фарфоровых гиряхах, ажурных башнях, потом по более тонкому проводу, бегущему от столба к столбу, и, наконец, по нитке шнурку, подведенному к лампе над столом, за которым читает книгу, совершивший такой же путь, как и электрический ток, и не менее важно, чем он, освещающую жизнь.

С центральной базы книги всеми видами транспорта доставляются в республику и области страны, где оседают в огромных количествах и республиканских базах. Здесь же поток распределяется по более коротким каналам — в крупные книжные магазины и в районные базы книги. А отсюда уже речушками расходится она по книжным дамкам, по киоскам, к книжничкам.

Каким же титаном должна быть центральная книжная база страны? Наше воображение рисует городок книги. Мы представляем себе огромные корпуса, полные света и воздуха, просторные склады длительного хранения книг, выставочные павильоны, высокую механизацию всего процесса «обработки» продукции наших издательств, — планшты без копировальной ленты, шестисотопалочные машины, мягкие звонки электромоторов, бесшумные лифты, пропеллерные эжекторы, могучий автопарк, обширные пакгаузы у подножия путей и даже собственный аэродром...

Но книжного городка, который мы себе воображаем, нет не только в природе, но и в проекте. Увеличивая мощи своих предприятий, Огиз, а теперь Главполиграфиздат не обеспечивает логистику издательств, — планшты без копировальной ленты, шестисотопалочные машины, мягкие звонки электромоторов, бесшумные лифты, пропеллерные эжекторы, могучий автопарк, обширные пакгаузы у подножия путей и даже собственный аэродром...

По книжному городку, который мы себе воображаем, нет не только в природе, но и в проекте. Увеличивая мощи своих предприятий, Огиз, а теперь Главполиграфиздат не обеспечивает логистику издательств, — планшты без копировальной ленты, шестисотопалочные машины, мягкие звонки электромоторов, бесшумные лифты, пропеллерные эжекторы, могучий автопарк, обширные пакгаузы у подножия путей и даже собственный аэродром...

В 1949 году в Москве было 13,147 квадратных метров складской площади. За истекшее время поступление книжной продукции утратилось. Площадь же, на которой сегодня размещаются, а вернее, ютятся и захламляются базы Главполиграфиздата, сократилась до 9,120 квадратных метров.

Что же представляют собой эти так называемые базы?

Вот одна из них — крупнейшая и самая, так сказать, «базуэторная». Она помещается в обычном жилом доме, занимает два этажа и темные тесные подвалы, займённые до самого потолка бесчисленными штабелями книг. Пойти между ними можно лишь боком. Право же, борясь и оспираясь на таком тесноте, текущий в своеобразном книжном ущелье.

Такая же теснота и этажом выше: те же горы книг, те же узкие проходы. А книги все прибывают. Новые миллионы экземпляров, газеты, анекдоты книг текут на центральную базу.

Подвалы, помешения, похижки на сарае, старинные купеческие лавазы и амбары, отнюдь не предназначенные для хранения книг.

В таком же положении находится и база Москва. За последние годы площадь книжных складов уменьшилась не менее, чем на полторы тысячи квадратных метров, хотя объем работы увеличился в несколько раз.

Сокращение книжных складских помещений в Москве объясняется тем, что работники управления нежелательного фонда Моссовета упорно удовлетворяют потребности в этих складских помещениях за счет книготорговли!

Базы, занятые до потолка, принимают все новые и новые партии книг; стремясь как можно быстрее освободить площади, работники книжной базы спешно рассылают книги по магазинам, превращая их в своеобразные «филансы» центральных баз. Это приводит нередко к засилью литературы в районах без учета их специфика. Например, в Петропавловске попадали книги об уходе за верблюдами, о разведении индюшковых и т. д.

Что же намерен предпринять Главполиграфиздат для устранения всех этих недостатков?

Оказавшись, главк уже приступает к созданию центральной книжной базы: выделена строительная площадка, привезены стальные конструкции — фермы будущих корпусов, планируется озеленение территории и пр.

Но площадь, запроектированного «тигунта» второе меньше того, что Главполиграфиздату нужно уже сегодня. Строительство не избавит работников Главполиграфиздата от амбаров, подвалов и сараев.

Следовательно, три или четыре года спустя, когда будет закончено строительство, книга окажется в еще большей тесноте, нежели сегодня. Об этом можно говорить с уверенностью, учитывая дальнейший неуклонный рост изданий.

Почему Главполиграфиздат не строит работу своих книготорговых организаций с расчетом не на завтрашний день, а на завтрашний? Почему не запроектировать мощной базы?

И тут выступают в действие так называемые «объективные обстоятельства»: Главполиграфиздат «вынужден» строить маленькую базу, потому что Моссовет не может выделить больше строительной площади. При этом неопытно, зачем строить книжную базу исключительно в городе, а не за городской чертой, где можно расширить строительство по-настоящему. Нам представляется, что надо заново продумать решение этого вопроса.

Но до тех пор, пока будут построены центральные книжные базы, надо срочно выпустить существующие тесноты.

Московский совет должен оказать действенную помощь книготорговле, организовав и, в частности, вернуть Мосгизу полторы тысячи квадратных метров складской площади, изъятые у него.

Можно напомнить Моссовету, что наше желание полностью отсечь его собственным, до сих пор не выполненным постановлением.

Подождав, пример Моссовета, несомненно, будет подхвачен.

Развитию же к хранению книг мы встречаем в Харькове, в Ульяновске, в Москве, в Новосибирске, в Архангельске, в Свердловске, в Киеве. Существующие в этих городах базы тесны, и в отдельных случаях книги, вместо того, чтобы идти к потребителю, откладываются в железнодорожных пакгаузах.

Несомненно, в типографии гор. Молотова скопилось на миллион рублей готовой продукции. Штабелями книг завалены все проходы типографских цехов. Вывезти продукцию было некуда, потому что книжных складов в городе нет. Та же история в Горьком, в Барнауле, в Иркутске, в Калуге, в Великих Луках...

Главполиграфиздат, нарастающий производственный мощи своих предприятий, должен, вынужден, уяснить себе, что издательство — это еще не все. Главное, чтобы книга во-время попала в руки читателей. А об этом-то в главке, как видно, думают меньше всего. И, быть может, правильно было бы судить о работе Главполиграфиздата не только по гигантскому количеству литературы, выпускаемой его полиграфическими предприятиями, но и по реализации этой продукции.

СВЕТЛАЯ СУДЬБА ПОЭТА

История этой жизни — обычная и вместе с тем необыкновенная история жизни большого горного поколения, к которому принадлежал поэт. Тяжелое, голодное детство, ученье у невестинских учителей, но благодаря, а вопреки которым Гамзат чему-то научился. Обо всем этом много лет спустя поэт напишет очень точные строки:

Было мне семь лет, когда белый свет
отец оторнул,
Умер, так и не узнав про натальную
рубашку.
Шесть сестер, старуху-мать на меня
отец покинул,
И теперь во всей семье только я носил
папаху...
Минуло мне десять лет, — начал
я учиться в школе,
Дядя мне помог: меня отдал он в аул
соседний.
По-арабски, нараспев, что-то казнил
молчали,
Сообщая нам свои удивительные
бредни.
Много времени прошло, — мало
получил я знаний.
Я прислуживал своим соуничьям
богатым.
В час урока обо мне забывал мулла
заране,
А придет работы час, — посылает
за Гамзатом!

Однако и такое ученье продолжалось недолго. Началась юность, тяжела и полу-голодная, каторжный труд крестьянина, постоянные притеснения.

Уже тогда Гамзат по мере своих возможностей служил народу. Первые поэтические опыты — басни и сатирические стихи — возмущали аульскую аристократию — кулаков и мулл. Эти стихи, написанные по какому-нибудь случаю из горской жизни, распространялись по всему аулу и далеко за его пределами.

Враги поэта подвергали его гонениям, вынуждали, в конце концов, покинуть родной аул. Но Гамзат продолжал бороться за правду, за поруганные права простых людей.

К тому времени, когда Гамзат Падаса вернулся домой, популярность его в народе была уже так велика, что враги не решились продолжать травлю поэта. Наоборот, они решили, что им выгоднее будет подкупить Гамзата, и попытались это сделать. Но Гамзат очень скоро от-

казался быть муллой и предпочел стать пахуком, так же, как некоторое время спустя он отказался от «почетной» должности шарашского судьи, понимая, что, будучи муллой или судьей, он не сможет служить народу, а должен прескратить во врага его.

Гамзат с восторгом встретил Великий Октябрь и с первых же дней революции стал ее певцом. Его поэзия того времени проникнута чувством ненависти к врагам народа, к английским и турецким интервентам.

После революции Гамзат с радостью принял должность судьи, ибо теперь быть судьей — значило служить народу. Потом он работал в Хунзахском райисполкоме, где, помимо своей основной деятельности, поэт на материале жалоб и заявлений своих земляков писал острые стихи, которые печатались в районной газете, и они переходили из уст в уста. Таким образом, то, что могли прочесть немногие грамотные люди, узнавали все. Далеко за пределами района люди, слушая и повторяя стихи Падаса, смеялись над кулаками и муллами, над бюрократами и лодырями, над стариками, навсегда уже отрицающими бытия. Можно без преувеличения сказать, что в те времена для многих аварцев смысл событий, происходивших на их земле и во всем мире, становился понятным благодаря стихам своего поэта.

Не только своим творчеством Гамзат Падаса служит народу. На протяжении многих лет он — депутат и член президиума райсовета, депутат Верховного Совета Дагестанской АССР.

В Дагестане не было таких событий, в которых Гамзат не принимал бы участия. Будь то очередная сессия или дни выборов в Совет, — Гамзат развешивал по дальним и ближним аулам и пламенным словом поднимал людей.

В дни Великой Отечественной войны Падаса пишет страстные патристические стихи, он выступает как публицист, как общественный деятель. Многочисленные его выступления — начиная от собраний колхозников в маленьких аулах и кончая антифашистским митингом народов Дагестана, — послужили серьезную службу общему делу.

Гамзат Падаса — любимец, мудрый советчик, верный слуга своего народа.

Служению народу он отдал все: и творческое вдохновение, и пыл души гражданина.

Сейчас поэт живет в Махачкале. Почти половина его квартиры отведена для приезжающих из аулов, и это не просто соблюдение горского закона гостеприимства. У Гамзата бывают люди со всего Дагестана. Они приезжают поделиться радостью и горем, посоветоваться по делам колхоза, показать первые стихи. К нему приходят, как к депутату Верховного Совета республики, как к поэту, как к одному из старейших и мудрейших людей своего народа.

Часто старый поэт бывает в своем родном ауле, в колхозе, членом правления которого состоит до сих пор.

В Дагестане нет человека, который бы не знал Гамзата Падаса. Многие знакомы с ним лично, и все знают его по стихам, страстным, лирическим и молодым, несмотря на преклонный возраст их автора. Впрочем, и возраст — вещь относительная. В одном митинговом стихотворении Гамзат говорит по поводу своего семидесятилетия:

Так считают люди зря —
Не верны подсчеты эти:
Только после Октября
Стал я жить на белом свете.

При царе не жил я, нет,
И для верного итога
Вынем эти сорок лет,
Вышло тридцать. Разве много?

Поэт чувствует себя молодым:

Вы не смотрите, что я сед,
Совсем не в этом дело:
Ягненку, может, года нет,
А он бывает белым.

И пусть прохладат годы, пусть,
Я жизнь не даром прожил.
И чем я старше становлюсь,
Тем становлюсь моложе.

Служение народу — это, пожалуй, самые верные слова для того, чтоб определить характер всей жизни народного поэта Дагестана Гамзата Падаса.

Трудящиеся Хунзахского района не ошиблись, выдвигнув кандидата в депутаты Верховного Совета СССР своего земляка, народного поэта Дагестана Гамзата Падаса.

Н. ГРЕБНЕВ

В Москве открылся единственный в мире Дом детской книги. Посмотреть этот замечательный подарок детям пришли избиратели Советского избирательного округа столицы. Они осматривают многочисленные комнаты Дома и восхищаются оборудованием специального зала для самых маленьких, обилием и разнообразием детских книг, собранных в библиотеке. В Доме есть специальные кабинеты в помощь писателям, художникам и полиграфистам, создающим детские книги, зал, в котором писатели будут встречаться со своими юными читателями.

На снимке: агитатор Т. Сивелена беседует с избирателями А. Козловой, С. Рудневой, М. Графовой и А. Ковачевой в одном из залов Дома детской книги.

Фото Е. ТИХАНОВА

Сергей Никифорович,
его родные и близкие

Наша литературно-художественная и общественно-политическая журналистика — органы писателей — в нынешней практике своей работы отражают на своих страницах как достижения советской литературы, так и некоторые ее недостатки.

Обращение писателей к боевым темам современности, новаторская разработка этих тем, глубокий показ передовых тенденций в жизни отражаются на страницах журналов, делают их ежемесячно выходящие книжки желанными для читателей.

С другой стороны, такие отрицательные явления в среде писателей, как недостаточное внимание к вопросам мастерства, взаимная амнистия недостатков, неглубокая критика, тоже отражаются на работе журналов, отражаются на отношении к этим журналам нашего требовательного советского читателя.

Пережитки мелкой групповщины, сказавшиеся в работе редакции журнала «Огонек», немедленно отразились на лице этого журнала, сказались на понижении качества публикуемых материалов, обусловив неубедительное ведение отдела критики, преполагая печатание такого, во многом ошибочного, незрелого, недоработанного произведения, как роман Ф. Пандерова «Большое искусство».

Амнистия художественных недостатков, понижение требовательности к печатаемым произведениям немедленно отразилась на страницах журнала «Новый мир», напечатанного в 1949 году такие неудачные, искажающие нашу действительность произведения, как «Карьера Бекетова» А. Софронова, «Огненная река» В. Коженикова, или как имеющих крупные идейные и художественные недостатки роман В. Катаева «За власть Советов».

На работе редакций журналов в свою очередь отразилась практика руководства Союза писателей — его президиум и секретариат — практика, при которой писатели, обремененные доверием общественности, поставленные во главе писательской организации, в ряде случаев не проявляли принципиальности в оценке произведений друг друга, сглаживали острые углы и, допуская чрезмерное снижение к авторитету того или иного литератора, написавшего неудачное произведение, проявляли тем самым неумение в возросшем запросах читателей.

Эти явления в журналах были подвергнуты критике и на пленуме Союза писателей и в печати.

Однако вне поля зрения пленума и печати остался журнал «Звезда». Между тем деятельность этого журнала в 1949 г., только после пленума широко и серьезно обсужденная президиумом Союза писателей совместно с активом писателей Ленинграда, позволяет сделать ряд принципиально важных выводов.

Журнал «Звезда» является органом Союза советских писателей. Президиум и секретариат Союза писателей обязаны им руководить и несут всю полноту ответственности за его работу. Журнал имеет свои особенности. Он издается в Ленинграде. Основным коллективом его авторов является актив ленинградской организации писателей. То, что журнал «Звезда» имеет возможность опираться в своей работе на широкие, творчески сильные кадры ленинградских писателей, является залогом его успешной работы. Но в то же время на Союз писателей, на ленинградскую организацию писателей, на редакцию журнала нельзя забывать, что «Звезда» является всесоюзным писательским органом; что опираться — это не значит замыкаться; что журнал, выходящий в Ленинграде, должен быть пред-

метом работы и гордости не только ленинградской писательской организации; что успешное ведение журнала «Звезда» — такое же дело чести для всего Союза писателей, как и ведение трех других выпускаемых им толстых журналов.

Восвоянный журнал «Звезда» должен стоять на высоте требований, предъявляемых партией ко всей нашей литературе.

На протяжении 1949 года, в особенности на протяжении его второй половины, журнал «Звезда» в целом несколько улучшился.

В 1949 году журнал напечатал на своих страницах: талантливую повесть В. Пановой «Ясный берег», интересный роман Г. Медынского «Марья», заслуженно привлечение внимания читателей пьесы А. Якобсона «Два лагера», Самеда Вургуня «Восходит солнце...» (Ханлар), И. Кремера «Крепость на Волге», пылкие талантливые стихи А. Прокофьева, М. Дудина, В. Шефнера, «Стихи о Коре» А. Гитовича, повесть Мамеда Рагима «Над Ленинградом», содержательные, представляющие познавательный и художественный интерес очерки Н. Шундника, К. Косинского, А. Садовского, С. Бытового, публицистические выступления на острые международные темы Н. Вирты, И. Константиновского, В. Кучерявенко, ряд поэтических, посвященных важным современным литературным и жизненным проблемам статей Б. Исаева, Т. Трифановой, А. Докусова, В. Папковского, Ф. Абрамова и Л. Лебедева, разбавленную космополитизмом и формализмом работу академика И. Мещанинова о советском языке, несколько хороших серьезных статей в отделе науки.

Все это позволяет говорить об известном улучшении работы журнала в целом и в то же время показывает, что журнал имеет все объективные возможности, значительная часть которых еще не использована, — работать дальше не только лучше, чем он работал в 1948 году, когда его работу нельзя было признать удовлетворительной, но и гораздо лучше, чем он работает сейчас.

В чем недостатки работы журнала в 1949 году? Журнал опубликовал на своих страницах первую часть убогой, идейно-порочной повести Ю. Германа «Подполковник медицинской службы». Первая часть повести встретила столь резкое осуждение со стороны читателей, что сам автор, прислушавшись к критике, выступил в журнале с письмом, где он признал и осудил ошибки повести. Редакция предала ее печати.

И автор и редакция в данном случае поступили верно. Но они поступили бы еще верней, если бы заранее, до печати, коллективно и нелицеприятно обсудили повесть и поставили бы перед автором (кстати — членом редколлегии журнала) вопрос о необходимости ее коренной переработки.

Ошибкой редакции была и публикация идейно и художественно неполноценной пьесы Е. Мина и А. Минчикова «Успех», слабых, заслуживающих основательной критики, рассказов С. Марьяча «Первый и последний», Ж. Гаузер «Старые люди», «Новые друзья». При коллективной требовательной работе редколлегии, без скомки и покаяния, эти произведения в таком виде не появились бы на страницах журнала.

Что касается статьи П. Громова и Б. Костякина «Литературное обозрение» (№ 1 журнала за 1949 год), то она являлась откровенным рецидивом воинствующего формализма.

На страницах «Звезды» в 1949 году напечатано несколько недоработанных произведений: роман «Секретарь партбюро» Н. Асанова, «Однополчане» А. Розова,

«Повесть о моих друзьях» Леонида Борисова. Это объясняется тем, что редакция журнала в ряде случаев недостаточно требовательно относилась к своим авторам, не привила им вкуса к тщательной работе над произведениями.

Список неудач и ошибок журнала в 1949 году значительно короче списка его удач и достижений. Однако это не может являться поводом к малейшему самоуспокоению редакции.

Размеры неудач не измеряются количеством журнальных страниц, загубленных на печатание того или иного неудачного произведения. Страницы может быть мало — ошибка может быть большой.

Но это только одна сторона вопроса, — касающаяся произведений, напечатанных на страницах журнала.

Есть и вторая сторона вопроса. Она касается произведений, которые могли бы стать успехом журнала в глазах требовательного советского читателя, а не стали; произведений, которые по тем или иным причинам не появились на его страницах. Это — громадные и неиспользованные возможности журнала.

Неиспользованные возможности — это рукописи, не принятые из-за нежелания или неумения долго и упорно, требовательно работать над ними вместе с авторами.

Неиспользованные возможности — это произведения, которые не были созданы потому, что редакцией не была творчески подсказана тема; потому, что опытная рука коллектива литераторов, стоящих во главе журнала, не направила того или иного старого или молодого литератора на решение важнейших современных задач.

Использовать эти неиспользованные возможности, твердо поставить перед собой эту активную задачу и выполнять ее — вот что необходимо сделать редколлегии журнала «Звезда».

Журнал во многом является зеркалом работы писателей и в то же время организатором этой работы. Действительность редакции журнала «Звезда» в значительной мере отражает недостатки работы ленинградской писательской организации — ее правления и секретариата. Так же, как и редакционная коллегия журнала «Звезда», секретариат и правление организации писателей Ленинграда все еще не стали органом коллективного руководства творческой жизнью писателей Ленинграда. Это происходит потому, что в правлении, так же как и в редколлегии «Звезды», еще отсутствуют настоящая коллективность, еще не до конца изжиты привилегии, еще не развита ответственность по-настоящему критика и самокритика.

В Ленинграде работает ряд писателей, лучшие произведения которых пользуются широкой известностью в стране. Это такие писатели, как В. Панова, Э. Грин, В. Саянов, О. Форш, А. Прокофьев, Б. Черков, Ю. Герман, В. Кетлинская, О. Берггольц. Это такие литературоведы и критики, как Б. Мейлах, В. Друзин, А. Деметров.

Но писатели, у которых есть заслуженное имя в литературе, есть хорошие произведения, отнюдь не амнистируются от критики; напротив, они нуждаются в повседневной нелицеприятной товарищеской критике. Отсутствие такой критики мешает их росту. Этому есть много разных примеров, начиная с серьезных идейных и художественных ошибок Ю. Германа в его повести «Подполковник медицинской службы» и кончая наличием известных художественных недостатков даже в таких произведениях, получивших признание читателей, как «Ясный берег» В. Пановой, «Слово о Родине» А. Прокофьева.

Но мало это. Отсутствие нелицеприятной критики, взаимная амнистия идейных

и художественных недостатков среди ведущих писателей не только приводят к ошибкам и мешают творческому росту их самих, но мешают и всей работе писательской организации. Ибо если нет требовательности друг к другу со стороны ведущих писателей, если нет прямой, честной критики и самокритики в руководстве писательской организации, — то без этого невозможно правильно поставить вопросы критики и самокритики во всей организации.

Отсутствие критики и самокритики в руководстве мешает борьбе с остатками групповщины и привилегий, мешает, позволяет существовать в среде писателей отдельным мелким группкам, объединяющимся на почве взаимной амнистии и привилегий отношений.

Нельзя, например, не осудить таких способных, имеющих на плечах талантливые книги литераторов, как Г. Мирошниченко, Е. Федоров, за то, что они, вместо того чтобы совершенствовать свое литературное мастерство и помогать в том же своим товарищам по перу, собирают вокруг себя на почве привилегий отношения и взаимного закаливания почтителей собственных талантов и тратят драгоценное время на беспринципную групповую борьбу.

Безусловно, творчески сильная писательская организация Ленинграда вполне может изжить подобные мелкие проявления беспринципной групповщины, и если она не изжила их до сих пор, то только потому, что в самом руководстве организации нет достаточной критики и самокритики, нет достаточной принципиальности в оценке произведений, коллегиальности в работе, которые позволили бы окончательно искоренить всякие рецидивы групповщины, где бы и в какой бы форме они ни проявлялись.

Организация писателей Ленинграда должна потребовать от своего секретариата и правления, чтобы они прежде всего и больше всего занимались своим основным делом — решением главных идейно-творческих вопросов, решением их на основе коллегиальности, на основе самокритики, на основе привнесения самой широкой писательской общественности.

Редакционная коллегия журнала «Звезда» должна стать живым творческим органом, объединяющим вокруг себя лучшие литературные силы, воспитывающим литературную молодежь.

Она должна добиться этого объединения на основе разработки самых боевых тем современности, в частности, на основе повествования писателей Ленинграда о индустриальном труде, о изображении стахановцев, передовых советских людей, которыми славна наша Родина и слава Ленинград, о героических революционных традициях и передовых социалистической индустрии.

Президиум и секретариат Союза писателей должны повседневно помнить, что журнал «Звезда» является одним из четырех толстых журналов, на чьем титульном листе стоят слова: «Орган Союза советских писателей»; должны повседневно помогать своему журналу и направлять основную линию его работы.

«Литературная газета», которая на протяжении ряда лет уделяла мало внимания жизни ленинградской писательской организации, творчеству ленинградских писателей, работе журнала «Звезда», должна исправить эту свою ошибку и впрямь неуклонно выполнять свой прямой долг в отношении одной из крупнейших и сильнейших писательских организаций страны — организации писателей города Ленинграда.

Знаете ли вы Сергея Никифоровича Марина? Того самого, что родился 18 января 1776 года от первого брака действительного государственного советника Никифора Михайловича Марина? Того самого Сергея Никифоровича, его императорского величества флигель-адъютанта, что пользовался высочайшими милостями самого Александра I и по восторженным отзывам Фаддея Бенедиктовича Булгарина «был отлично принимаем во всех знатных домах»?

Неужели не знаете? Ну, в таком случае спешите прочитать новый, недавно изданный том «Детонисей» Государственного литературного музея, специально посвященный жизни, творчеству и деятельности Сергея Никифоровича, а заодно и всех его дедов, прадедов, внуков и правнуков, которых удалось установить современному его биографу. Внушительный, тщательно изданный, богато иллюстрированный том в 58 авторских листов (цена 40 рублей) снабжен всеми необходимыми материалами, начиная, например, от колоссальной росписи, оставленной по «Русской родословной книге» князя А. Б. Лобанова-Ростовского и кончая рескриптом Александра I о предоставлении Марину отпуску по болезни.

Нужно сказать, что сама по себе личность С. Н. Марина небезынтересна. Он оставил несколько стихотворений, отмеченных сатирической остротой и выразительностью. Интересны и некоторые его письма, где рассказывается о военных действиях против Наполеона. И если бы об этом было рассказано в соответствующем объеме и тоне, то это не вызвало бы возражений.

Однако автор предисловия, редактор и комментатор тома Н. Арнольд, потеряв чувство исторической правды, чувство меры и юмора, пытается доказать, что С. Н. Марин — «один из основоположников русской политической литературы», выдающийся деятель и «большой патриот», «идеально близкий» Радищеву и т. д. В стихах С. Н. Марина «Б Русским» и других, по словам Н. Арнольда, «чувствуется живое дыхание мощной народной стихии». Об этих стихах Марин писал М. С. Воронцову: «Посылаю тебе стихи, поднесенные мною государю. Они ему очень понравились, и он приказал их напечатать».

«Востань народ царем любимым», — так начинал этот стихотворение, поправившееся Александру I, а заканчивал его такими словами:

Нам Александр пример средь бою — Отец отечества с тобою Держнет на все усердный росс.

Зачем же морочить голову читателю громкими словами о «народной стихии» и пытаться обмануть верноподданного поэта С. Н. Марина с великим Радищевым.

«Лучшим другом» С. Н. Марина, «душой компании», где он вращался, — повествует Н. Арнольд, — был Михаил Семенович Воронцов. Мы знаем, что это, по отзывам современников, «чуждый сдвиг», «любвейший из человек». Он даже, оказывается, был «близок с декабристами». Марин посвятил «Стихи морские Воронцову».

Но вот один современный Михаил Семеновича не был от него в восторге. Это — Александр Сергеевич Пушкин, которого «чуждый сдвиг и любвейший из человек» граф Михаил Семенович Воронцов грубо преследовал, травил доносами, оскорблял и унижал великого русского поэта.

Впрочем, у Н. Арнольда и на сей счет есть особое мнение. «Под влиянием натуги отношений его с Пушкиным («натуги» отношений) — какой деистичный, истинно великодушный язык! — 3. П.) личность Воронцова в русской литературе освещается недостаточно полно, — скорбно замечает он. — Однако еще Барневе писал: «Впоследствии он (Пушкин) — Н. А.)

сознал неблагоприятность (!) своих к нему отношений», рассказывая в известных стихах («Полумилость и пр.»). Смешно читать, как современный исследователь принимает за чистую монету буржуазно-либеральные легенды. А вот как отзывался в приписках Н. Арнольд о другом товарище С. Н. Марина, воспоминанье в его стихах: «Бенедикт, г-р. Александр Христофорович (1783—1844) — флигель-адъютант Александра I, офицер д-тв. Преображенского полка. Участник всех войн Александранской эпохи, впоследствии шеф жандармов, доверенное лицо Николая I, сыгравший неблагоприятную (!) роль в жизни А. С. Пушкина».

Как видишь, автор определяет о нем и тем же эпитетом вину по отношению к Пушкину одного из его приверженцев гонителей и убийц — Бенкендорфа и «вину» Пушкина перед полурусским милордом и сипайским полком Воронцовым!

Среди других материалов семейного архива Мариных мы находим в книге «Братское жизнеописание С. Н. Марина, составленное его братом А. Н. Мариним». Читая это «жизнеописание», мы убеждаемся, что в своем подходе к жизни и творчеству С. Н. Марина современны и исследователи Н. Арнольд почти ничем не отличается от своего далекого предшественника Аполлона Никифоровича Марина.

В своих воспоминаниях Аполлон Никифорович то и дело умилительно и подобострастно восторгался монаршими милостями и щедротами. А вот как рассказывает современный исследователь Н. Арнольд об отношениях монарха и С. Н. Марина: «Несколько месяцев пришлось разлаживанному портрету-парикюрнику тинуть тяжелую солдатскую ляжку. Счастливый случай помог поэту вернуть расположение грозного монарха». И далее говорится о том, как «присел в неопишемый восторг» государь, как он «в знак своей благосклонности, слегка ударив молодцеватого часового по плечу, поправил его парикюрником».

Описание всех «колен» маринской родословной, вышпих на дела дворянского соборника, подтверждающие высокие происхождение Мариных, нудные по своей нелепости о всех восторгах и похеретках, прямо или косвенно связанных с Мариными, — о бесконечных приворочках, лавровых советниках, петербургских щеголах, императорских любимцах и любовниках, возмущительные по своей невозможности ежесекунтные ссылки на такие авторитеты, как «полуполуден» Воронцов или полдец Булгарин, бесчеловечные портреты и переписка известных, полувосточных и совершенно безвестных родственников Сергея Никифоровича, к которым постепенно начинают испытывать некое вроде тихой тошнотливой ненависти, — как все это безнадежно старо, нелепо и чуждо нашему времени, нашей жизни!

Таков этот монументальный труд работников литературного музея — беспримечный образец либерального, семейно-альбомного литературоведения.

З. ПАПЕРНЫЙ

ОБСУЖДАЕМ ВОПРОСЫ МАСТЕРСТВА

О высокой требовательности

Разнообразна и богата тематика советской русской поэзии. Все стороны нашей жизни горячо интересуют поэтов. Строительству коммунизма, социалистический труд, советский человек, преобразующий мир, советский патриотизм, борьба за мир — вот главные темы нашего времени.

Все наиболее значительное, что появилось за последнее время, написано на эти темы. Это — поэмы М. Луконина «Рабочий день», П. Грибачева «Весна в Побеле», А. Ашина «Алена Фомина», лучшие стихи А. Суркова, А. Твардовского, А. Прокофьева, С. Смирнова, С. Карсанова, П. Комарова, М. Дудина и других поэтов. Стихи и песни А. Жарова и Л. Ошанина, сатирические стихи А. Везиленского, пьесы стихов Н. Тихонова «Безымянная весна», Е. Долматовского «Книга ровесников», поэмы Я. Смелякова «Лампа шахтера», Г. Горюхана «Кремлевские звезды», А. Смердова «Пушкинские горы».

Именно сейчас, когда сделан решительный поворот к ведущим темам современности, когда поэзия наша в основном очистилась от формалистического и эстетского мусора, надо со всей решительностью поставить вопросы мастерства. Надо показать, что мастерство советской поэзии не имеет ничего общего с тем «мастерством», которым так клялись когда-то формалисты и эстетисты, с мастерством, оторванным от жизни, которым поэты формалисты пытались компенсировать свою лупенную убогость, свое полное не знание действительности. Надо раскрыть новаторство наших поэтов — мастерство подлинное, реалистическое, народное, опирающееся на настоящее знание жизни, перед которым формалистические выверты — жалкие потуги на искусство.

Высокая, честная требовательность друг к другу должна стать правилом в отношениях между поэтами. Взаимная амнистия недостатков ни к чему хорошему не приведет. В то же время мы ни на минуту не должны забывать о чуждости и взаимности. Во-первых, заметив и оценив творческую убогу поэта — это значит помочь ему, поддержать на верном пути. Дружба между поэтами — прочная дружба, а не конъюнктурная, кажушаяся, может держаться только на принципиальных отношениях. Как можно уважать поэта, если он говорит тебе неправду, то, чего он на самом деле не думает о твоей работе. Тем более, как можно такого человека считать другом?

Если бы С. Островой в своей рецензии в «Литературной газете» на книгу А. Коваленкова, добродетельно оценивая удачные стихи поэта, указал бы и на призрачность и притворную красоту некоторых его стихов, это была бы настоящая дружеская помощь.

Если бы наши критики, поэтическая общественность требовательнее отнеслись к вопросам мастерства, то А. Софронову давно бы указали на риторичность и бесцветность многих его стихов.

Если бы мы строже относились друг к другу, мы скорее бы напоминали Н. Грибачеву о необходимости освободиться от чуждых интонаций.

Н. Грибачеву уже указывали на явную его зависимость от интонационного строя стихов А. Твардовского, но мы находим в творчестве Н. Грибачева интонационное влияние и других поэтов. В поэме «Болот» «Болышев» читаем:

...И аист-лирик, в полудрафт олет,
Мелодию прожест четкой кастанет,
И солнце, как футбол, чуть роша
ошлошала,
Влетело в окна — гол! — и вся игра
сначала...

Разве здесь не чувствуется Пастернак? И не только в интонации, но и в языке. Эстетизм, о языке. Нельзя сказать «солнце, как футбол». Футбол и футбольный мяч — понятия разные.

Н. Грибачев — поэт одаренный, работающий, бескомпромиссный, и можно не сомневаться, что у него есть своя собственная дорога в поэзии. Об этом говорят многие более поздние его стихи. Но поэтическая обще-

ственность должна ему помочь прямой критикой недостатков в его произведениях.

Не только критика в печати, но и творческие обсуждения должны стать tributной, с которой звучит голос принципиальной и выскательной критики. В этой связи надо пожелать оценить те из творческих обсуждений секции московских поэтов, на которых проявились эта выскательность. На творческом вечере С. Гуденко были высказаны основательные критические замечания о его закарпатском цикле, в котором есть и бесспорные удаи. Эти замечания помогли поэту в дальнейшей творческой работе. Еще более резкой критике была подвергнута поэма В. Урны о молдавской деревне.

На обсуждении поэмы Веры Инбер «Путь воды» говорилось о серьезных недостатках произведения. Мне кажется, поэма со многими замечаниями тогда согласилась и продолжала работать над поэмой.

Суровой критике был подвергнут крымский цикл Маргариты Алигер. На обсуждении стихов С. Смирнова все выступавшие говорили о больших его успехах, но в то же время было высказано в адрес поэта много критических замечаний.

К сожалению, можно одновременно привести много примеров, говорящих о либеральном, некритическом подходе к произведениям. Некоторые вечера проходили парадно, в атмосфере благодушия. Так, например, в прошлом году выступал на секции К. Симонен с циклом стихов «Друзья и враги». В этих стихах содержалось немало формальных недостатков, о которых надо было сказать полным голосом. Мы этого не сделали.

Обсуждалась поэма М. Луконина «Рабочий день». Эту интересную, новаторскую поэму мы все знаем. Это значительная удача поэта. Но следовало бы указать автору на некоторую вялость композиции, на длинноты, излишнюю усложненность, которая сунит поэму. Об этом ничего не сказано.

Мы не всегда отдаем себе отчет в том, какую роль играет наша советская, особенно русская, поэзия. Эту великую роль нашей поэзии с особенной от-

четливостью ощущаешь, когда находишься за рубежом Родины. Мы отвечаем за судьбу нашей поэзии и перед своим советским читателем и перед всем прогрессивным человечеством. У нас учатся не только поэты стран народной демократии, но и прогрессивные поэты всего мира. В своей борьбе они прежде всего опираются на наш творческий опыт, на наши достижения. И каждая неудачная, скороспелая или, просто говоря, скучная вещь приносит поэтому огромный вред. Мы на виду у всего мира, и мы не имеем права забывать спустя рукава.

А мне думается, что в области работы над формой в нашей поэзии много неблагоприятного. Болею-кому из поэтов, видимо, кажется, что раз он пишет на актуальную тему, то формальные слабости могут простить. Это заблуждение. Чем актуальнее тема, тем совершеннее должен быть стих. Думаю, что это не требует доказательств.

Наша жизнь полна новизны, она настолько содержательна, что нужно обладать большими изобразительными средствами, подлинным мастерством, чтобы показать ее, не обидев ее содержания, ее красок.

Если в этом свете взять, например, новый цикл стихов Е. Долматовского «Слово о завтрашнем дне», то не все в нем может удовлетворить. В этих стихах изображение реальных, уже существующих в жизни черт коммунизма нередко подмешается общими словами о коммунизме, врое:

Из-за зубцов стены Кремля
Восходит Коммунизма солнце...
...И в Коммунизма утренние дни
Кремль проплавает,
Как корабль Победы...

Или:
Ты становишься, край наш отчий,
Коммунизма весенним садом,
Или:
Расцветает Отчизна —
Наша чиста и отрада.
Жить в садах Коммунизма —
Есть ли выше награда!

Или:
День Коммунизма над нами встает.
Мы часто, где надо и где не надо, употребляем священное слово коммунизм, забывая, что есть слова, к которым нужно относиться с душевным трепетом.

Сама попытка Е. Долматовского взглянуть «на коммунистическое далекое», ставшее уже близким, заслуживает всяческого одобрения. Но, к сожалению, в этих стихах слишком чувствуется поверхностный подход к теме. В цикле есть хорошие стихи — «Суд», «Твой свет», «Сталинградский дубок», «Твоя сила», но это все же не снимает чувства общей неудовлетворенности циклом.

Е. Долматовский — талантливый поэт, в его творческом активе есть много прекрасных песен, хороших, сочных полных лиризмом стихов и поэм. Но в ряде стихов нового цикла чувствуется суживание творческих сил к себе, как к художнику. Это выражается в бедности изобразительных средств, в ритмическом и интонационном однообразии, в нетребовательности к эпитету и т. д. То-есть, во всем, что в разном мере присуще, к сожалению, не только одному Е. Долматовскому, а и многим из нас. Я остановился на новых стихах Е. Долматовского потому, что высокая тема, ваятая им, решительно не допускает снисходительного отношения к этим недостаткам.

При разборе стихов у нас слышны и рядом говорят преимущественно о содержании, не касаясь или касаясь поверхностно формы, в то время как эти два понятия неразрывны, едины. Эта заблуждающая давно известна всем. Даже о таком гениальном новаторе, как Маяковский, еще не работ, в которой бы глубоко разбирался его поэт. О его мастерстве, о лабораторию его творчества мы до сих пор знаем только по стилю самого Маяковского «Как делать стихи»!

Стихи о современных поэтах, за малым исключением, носят поверхностный и односторонний характер. Анализ самой художественной ткани, анализа формальных особенностей того или иного поэта в этих стихах мы почти не находим.

Мы, поэты, тоже в большинстве случаев ограничиваемся общими оценками. Такие вопросы, как композиция, ритм, строфика, интонация, выпадали из нашего поля зрения. А ведь мы — мастера, это наша профессия, мы должны уважать свой труд, быть нетерпимыми ко всему, что принижает его.

Мы часто (я отпущу это утверждение и к себе самому), многие из нас поддаются самоуспокоенности, не делают, не ищут новых форм, мало заботятся о совершенствовании своего искусства. Отсюда — бросающиеся в глаза однообразие размеров, и строфика, общность интонации, ритмическая бедность. А вспомним классиков: какое огромное значение они придавали форме, тому, чтобы стихотворение было максимально выразительным и понятным народу. Если присмотреться с этой точки зрения к стихам Лермонтова, то мы увидим, что для каждого стихотворения он искал соответствующий размер, более свободный и емкую строфу. Всем известно с детства «Бородино», его великолепная семистопная строфа, — но ведь если бы не была найдена поэтом эта стихотворная строфа, стихотворение не обдало бы такой покоряющей выразительностью. Вспомним знаменитую поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Понятно, что Некрасов искал эту поэму потому, что был поэтом-демократом, не навидев помещичьей строй, но если бы он не создал соответствующей формы, такой свободной и совершенно раскованной строфы, такой обаятельной интонации, русская классическая литература не имела бы столь совершенной поэмы.

У Маяковского, талантливейшего поэта советской эпохи, мы учимся прежде всего его умению активно выискивать своим стихом во все области советской действительности, его неприятии к выражению, ко всему косному, что мешает движению вперед. Но мы в той же мере должны учиться у Маяковского и его технике, его мастерству. И если мы считаем себя последователями великого поэта, его наследниками, мы не имеем права относиться терпимо к бедной рифме, к неточному, проходному эпитету, к глаголу, приписанному размеру, к вялому ритму.

Нам есть у кого учиться. У нас за плечами великая литература.

Чем больше мы будем уделять внимания мастерству, тем меньше будет возможности для всяких формалистических, эстетских реверсов; тем больше мы будем уделять внимания специфике нашего труда, тем успешнее мы закрепим решительный поворот нашей поэзии к актуальному, общественно-политическим темам и поднимем ее идейно-художественный уровень.

Люди, будьте бдительны!

Тесный союз креста и доллара — таков смысл политики «свободного» рынка Лия Хил, «Святой отец», в прошлом духовный наставник Гитлера и Муссолини, ныне ревностно служит англо-американским поджигателям войны.

Фотомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО

МИР ПОБЕДИТ ВОЙНУ!

Немецкая молодежь против войны

Союз свободной немецкой молодежи в мае этого года решил провести в Берлине общегерманский слет молодежи. Подмиллиона человек продемонстрируют в эти дни несокрушимую волю к борьбе за обеспечение мира, за единую демократическую миролюбивую Германию, за справедливый мирный договор. На слете в качестве гостей будут присутствовать делегации молодых борцов за мир. Ожидаются посланцы Советского Союза, Китая, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Франции, Италии, Австрии и других стран.

Реакционеры всех мастей во главе с американским гаулейтером Маккаузом тщатся сорвать слет демократической молодежи. Лидер западно-германских социал-предателей Шуахер потребовал в канун слета вывести на улицы американские танки и организовать специальные отряды провокаторов, одетых в спортивную форму.

«Обербургомистр» Западного Берлина Рейтер заявил о своем категорическом отказе предоставить стадион «Олимпия» для молодежной демонстрации.

В Южном Бадене французская оккупационная полиция арестовала молодых немцев, «повинных» лишь в том, что они распространяли листовки против репатризации Западной Германии.

Но демократическая молодежь дает достойный и могучий отпор всем попыткам реакции помешать общегерманскому слету. Общее мнение выразил один из членов Союза свободной немецкой молодежи Северного Бадена. Он заявил: «На требование поджигателей войны о создании наемной армии из немцев немецкая молодежь дает следующий ответ: «Вы получите армию, армию в подмиллиона борцов за мир, которые соберутся в Триппинг-ден в Берлине».

Все большее число молодежных организаций заявляет о своем желании участвовать в слете. Во многих городах Западной Германии уже организованы подготовительные комитеты по созову слета. План подготовки к Всегерманскому слету молодежи будет обсуждаться также на конгрессе молодых борцов за мир, созываемом в Руре. Центральный совет Союза свободной немецкой молодежи на днях направил конгрессу письмо, в котором говорится: «Мы знаем, что вас в вашей мужественной борьбе против прожогов поджигателей войны не искушают жертвы. Вы можете не сомневаться в том, что вы не одиноки в этой борьбе. Молодежь Германской демократической республики стоит на вашей стороне... Всегерманский слет молодежи в мае 1950 года в столице Германии Берлине явится новым шагом к лучшему будущему нашего народа. Пусть никто не воображает, что наше движение на пути к миру может быть приостановлено».

Общегерманское движение демократической молодежи ширится и крепнет с каждым днем. Никакие угрозы и репрессии американских гаулейтеров и их слуг не смогут помешать немецким юношам и девушкам объединить свои силы в борьбе за мир и единство своей родины.

Мои впечатления о Советском Союзе

Икбал СИНГХ

Это — всего лишь первые впечатления. Семь недель, проведенных в Советском Союзе, — и преимущественно в Москве, — едва ли дают право и возможность с полным знанием дела говорить об этой великой стране, находящейся в процессе величайших социальных преобразований, какие когда-либо знал мир. Даже если бы было бы мало. Однако мои впечатления все же не совсем поверхностны.

Задолго до того, как приехать в Советский Союз, думаю об этой стране. Сейчас ни один мыслящий человек не может не думать о ней. Советский Союз — самый важный фактор нашей действительности, в одно и то же время и луч надежды, и путеводный маяк для всего прогрессивного человечества, задушающего над проблемами современности. Поэтому в Москву приезжаешь не из праздного туристского любопытства, не ради новых впечатлений. Приезжаешь для того, чтобы проверить все то, о чем не раз думал, размышляя о Советском Союзе, чтобы воочию убедиться во многом и освободиться от лжесомнений, неизбежных при абстрактных размышлениях.

Таким образом, поездка в Советский Союз сама по себе является школой; во всяком случае, мне она дала очень много. Индия, который провел много времени в Западной Европе и до и после второй мировой войны, в СССР больше всего поражают ощущение гармонии. Отсутствие классового, расового и национального антагонизма в Советском Союзе перестало быть отвлеченным идеалом; это — осязаемый факт действительности. В СССР люди не находятся в состоянии войны друг с другом. Наоборот, они связаны общностью целеустремленных усилий...

В Советском Союзе простые люди заняты принадлежащее им по праву место. Они знают, что принадлежат стране и что страна с ее богатствами принадлежит им.

Более того. На Западе и во многих других странах люди постоянно преследуют чувство неуверенности в завтрашнем дне, страх перед будущим. Я говорю не только о рабочем классе, который еще сводит концы с концами и живет под вечной нависшей над ним угрозой безработицы и нищеты, но и о зажиточных, живущих в комфорте средних классов. Где-то в глубине души у них таится предчувствие того, что их «безопасная крепость» может в один прекрасный день растаять, как воздушные замки, созданные фантазией Пропсера. Это не раз случалось и раньше, это может произойти и вновь. Советским же людям такие опасения чужды. Они не боятся завтрашнего дня. Для них будущее — не мечта Элиота о смерти, не экзистенциалистский кошмар Сартра и не фантастический призрачный Будущее для них осязаемо потому, что они сами уверенной рукой, с твердой целеустремленностью создают его. Будущее, это — неуклонный рост их производительных сил, это — стабильные формы, из которых вырастают готовые конструкции, это — строительство посейших дорог, создание огромных лесных поясов для защиты плодородных земель, это — изменение русла рек для орошения почвы. Это судьба, но не та судьба, что доведет когда-то над жизнью людей. Это судьба, определяемая человеком. И это нечто прекрасное, нечто такое, чего

Автор статьи — индийский писатель и журналист.

люди могут ждать с уверенностью и надеждой.

Тут я прихожу ко второму важному моменту. Я знаю, что на Западе понятие о человеческой культуре и цивилизации для многих определяется всяческими приспособлениями в ванной и количеством бытовых электроприборов. Мышление таких людей остановилось на младенческой ступени своего развития. Я прожил на Западе достаточно долго, чтобы знать: удовлетворительно оборудованная канализация не способна очистить выгребные ямы человеческих душ.

У советских людей есть качества, которых нет у людей Западе, — простота и целостность. Эти черты пронизывают все сферы деятельности советских людей и ощущаются всяким, кто приходит в соприкосновение с ними, если только этот человек не ослеплен бессмысленными предрассудками. Вот почему так хорошо помню в Советском Союзе.

Есть, впрочем, и другая причина. Обычно о героических эпохах читаешь в эпопеях прошлого. Но в Советском Союзе видишь целый народ из плоти и крови, живущий в героическую эпоху. Вот почему действительность Советского Союза сегодня волнует и вдохновляет приезжего больше, чем действительность любой другой страны. Советская литература и искусство отражают этот героизм. Западные критики сетуют на то, что советской литературе и искусству не хватает изобретности и тонкого изящества. Но западные представления о сложности и утонченности сейчас являются абсолютно оторванными и извращенными. Великое искусство может быть простым. Содержательность советского искусства и литературы объясняется значительностью разрабатываемых тем, раскрытием человеческих образов в процессе творческой деятельности, в изображении душевного богатства. Советская литература и искусство подчеркивают не бесплодность и мелочность человеческих усилий, а, наоборот, их значительность и действенность. Советская литература и искусство восстанавливают веру в человека.

Западные политические деятели и их литературные подоплека жалуются на то, что с русскими невозможно найти общий язык. Я могу лишь заключить, что сами они говорят на каком-то особом языке, понятном только посвященным. Мои познания в русском языке ограничиваются алфавитом; и я не коммунист. Однако для меня не составляло трудности найти общий язык для обмена мыслями с теми советскими гражданами, с которыми мне довелось встречаться, будь то известные деятели культуры или колхозники. Ни в какой другой стране я не чувствовал себя так легко и непринужденно, беседуя на самые различные темы. И все это по той простой причине, что советский образ жизни, по-моему, основывается на научном, рациональном и гуманистическом мировоззрении. СССР — единственная страна, где человеческому разуму предоставляется широкая и полная возможность управлять человеческими делами.

Для писателя, приехавшего из страны,

страдавшей в течение последних двухсот лет от империалистического гнета и грабежа и сегодня еще не могущей освободиться от всех оков рабства, — пребывание в Советском Союзе связано с совершенно необычными переживаниями. В СССР я без всяких оговорок имею возможность высоко оценить творческий труд людей. Все то, чем советские люди владеют, что они создают, все блага жизни, какими они обладают и которые будут множиться год от года, — все это вдвойне привлекательно для меня потому, что, как я твердо знаю, процветание советского народа не жидется на обнищании других народов. Это процветание ни у кого не похищено и не приобретено ценой утраты национального достоинства. Советские люди создали и повышают свое благосостояние своим собственным честным трудом. Советские женщины в моих глазах прекрасные женщины многих стран, одетых и причесанных по последней моде, потому что их красота не создана несчастными трудностями Азии и Африки. Каждый ребенок имеет, или должен иметь, право на счастье. Но счастье советских детей и советской молодежи кажется мне более ярким, более драгоценным оттого, что возможность их счастливого смеха не жидется на существовании рабских жонглеров, голодных желудков и приглушенного плача детей в других странах.

За годы, прошедшие со дня окончания второй мировой войны, я побывал во многих странах Азии и Европы. Я был в Лондоне в день победы над Германией, а затем в день победы лейбористской партии на выборах 1945 года. Я был в Индии до и после «передачи власти» Англичей. Я видел Францию в дни, когда надежды, порожденные национальным единством, выкованным в период Сопротивления, освещали лица и сердца французов; и я видел Францию после наступления «эры Маршалла»... Я был свидетелем возрождения Польши; я видел веселые Праги, наполненные музыкой и смехом демократической молодежи мира. Но нигде я не встречал так много символов надежды и веры в будущее человечества, как в СССР. И весьма знаменательны для меня тот факт, что в Советском Союзе каждый такой символ превращается в действительность.

Вываде я сказал о том, что пребывание в Советском Союзе являлось для меня своего рода школой. Заканчивая, скажу, что это было нечто большее, чем школа. Пребывание в СССР вошло в меня. В Западной Европе я наблюдал, как сильно одурманены военной пропагандой многие, даже разумные и честные люди; по их словам получалось, будто война есть нечто неизбежное, а мир — всего лишь антракт между двумя войнами. В Советском Союзе я нигде не встречал такого фаталистического отчаяния. Наоборот, все, с кем бы я ни беседовал, говорил о мире не как о предмете мечтаний, а как о вполне достижимой цели, как о цели, которая непременно будет достигнута. Пребывание в СССР ободрило меня, и я вернулся в свою страну, укрепившись в убеждении, что демократические народы мира во главе с Советским Союзом выиграют битву за справедливый и длительный мир так же, как они победили в войне с фашизмом.

Приветствуя народ Советского Союза, я приветствую единство прогрессивного человечества и мир во всем мире!

Стихи Б. ВРЕПОНТА получили первую премию на конкурсе, объявленном Советом мира штата Квинсленд (Австралия) на лучшее стихотворение, посвященное борьбе за мир.

Б. ВРЕПОНТ МЫ НЕ ПОЗВОЛИМ!

Кто хочет мира?
— Он, и ты, и я,
Простые люди всех оттенков кожи.
Кто хочет мира?
— Каждая семья,
Где каждый день в труде суровом
прожит.
Кто жаждет войны?
— Ни он, ни я, ни ты,

Ни мы — простые люди всей планеты.
Кто жаждет войны?
— Двухдневные скоты,
На кровь и смерть составившие сметы.
Кто хочет мира?
— Я, и ты, и он,
Любый из тех, на чьих руках мозоли.
На языках всех наций и племен
Мы говорим войне:

«Мы не позволим!»
Мы не позволим!
— Он, и ты, и я,
Простые люди всех оттенков кожи.
Возьмемся ж крепче за руки, друзья,
И нашу цель война прорвать
не сможет!

Перевел с английского
И. РАЗГОВОРОВ

Американский парламент в Англии

А. ЛЕОНИДОВ

23 февраля 1950 года лейбористское движение Англии расплатилось за предательскую по отношению к трудящимся политику своих лидеров, обещавших стране социализм и подаривших ей нищету, долларовые цены и угрозу новой агрессивной войны. В результате происшедших в этот день всеобщих выборов лейбористское большинство в палате общин сократилось в 20 раз — с 140 голосов до 7.

Вывод ясен. Лейбористская партия уже не в состоянии править страной даже формально. Малейшее ослабление состава лейбористской фракции в палате общин, случайное отсутствие нескольких депутатов в момент внезапного голосования по требованию консерваторов могут привести к поражению и отставке правительства. С 23 февраля Энтони в двойном плане у Черчилля: не только в уже привычном политическом, но и в организационном отношении. Лидер «демократического социализма» не может сделать ни одного шага без разрешения главы реакции; любое мероприятие правительства должно быть на практике заранее скреплено санкцией центрального комитета консерваторов. Власть, по существу, перешла к этому комитету и к тем, кто стоит за его спиной.

Кто эти люди? Кто хозяева нового английского парламента?

С самого начала предвыборной кампании в Англии стало ясно, что в дело вмешались определенные круги, видимо, пожелавшие несколько «усовершенствовать» старую технику английской «демократии» по хорошо известному современному образцу. Прежде всего бросилось в глаза огромное количество средств, мобилизованных как консерваторами, так и лейбористами на проведение избирательной кампании. Избирательные фонды консерваторов и лейбористской партии исчислялись миллионами фунтов стерлингов. Не было никаких сомнений, что и ту, и другую поддерживают весьма солидные финансовые круги.

Во главе центрального избирательного штаба консерваторов стоял бывший министр продовольствия лорд Вултон — глава треста универсальных магазинов и директор военно-промышленной монополии «Бирмингем смолл аэз кампани». Его непо-

средственными помощниками были виднейшие консервативные бизнесмены, члены так называемого «кабинета теней» Черчилля: Батлер, бывший министр просвещения, он же директор самого мощного текстильного комбината в стране — «Куртис-Ламптед»; Иден — шурин банкира Бекетта и один из главных акционеров в английской горно-промышленной концерна в франкской Испании Рио-Тинто; сэр Джон Андерсон, бывший министр финансов и внутренних дел, правая рука Черчилля — директор военно-промышленного треста Виккерс и химической монополии «Империал химикал индустри»; и ряд других политиков из Сити. Эти лица верховодят консервативной фракцией в парламенте.

Английские банкиры, торговцы оружием и колониальные тресты оплатили избирательные расходы консервативной партии. Но еще более знаменательно то, что в предвыборной кампании в Англии на этот раз приняла негласное, но непосредственное участие и другая группа монополистов — джентльмены с Уолл-стрит.

Не секрет, что вся головка консервативной партии связана непосредственными личными узами с верховнейшей американской финансовой олигархией, и прежде всего как раз с группой Рокфеллеров. Один из «мостов» между ними переброшен в Канаду. Лондон и Нью-Йорк делит между собой руководство крупнейшей никелевой монополией «Интернэшнл никел компани оф Канада», захватившей в западных странах в свои руки почти все месторождения этого важного для военной промышленности сырья. Подлинным хозяином треста является Лоуренс Рокфеллер, сын главы династии; вместе с ним в правлении заседает Джон Форстер Даллес. Председателем правления является миллионер Роберт Стэнли — он же член «иностранный комиссия» рокфеллеровского банка Чейз нэйшнл.

С английской стороны директорами международной никелевой монополии являются два столпа консервативной партии: лорд Марджессон, бывший главный по-

мощник Чемберлена, на протяжении десяти лет глава организационного аппарата консерваторов, и лорд Мак Гоуэн — самый крупный из владельцев в кассу консервативной партии, председатель химического треста и личный друг большинства реакционных лидеров. Даллесу и «иностранный комиссия» рокфеллеровского банка не было нужды искать особых путей для оказания братского содействия Черчиллю. И политически, и в финансовом отношении фирма — одна и та же, хотя в вопросе о дележе прибыли между партнерами возникали острые споры. Разумеется, деловые отношения консервативного аппарата с Уолл-стрит не ограничиваются связями с династией Рокфеллеров.

Но было бы ошибочно полагать, что средства, находившиеся в распоряжении главного избирательного штаба лейбористов, возглавлявшегося Гербертом Моррисоном, уступали резервам консерваторов. Факты говорят о противном. Похоже на то, что «социалистические» министры в значительной мере использовали на практике симпатии своих новых друзей из управлений национализированных отраслей английской промышленности, которым они предоставляли ведущие посты почти во всех звеньях государственного хозяйства. Недаром такой крупной индустрии, как лорд Ротшильд, глава знаменитой династии миллиардеров, не только официально вступил в лейбористскую партию, но и занимает важную правительственную должность.

Ротшильд — один из многих английских деловых и богачей, перекочевавших в лагерь лейбористов. Уже до открытия сенсационной аферы лейбористского агента по «особым делам» Стэнли в прошлом году было известно, что крупные фирмы и компании финансируют аппарат лейбористской партии, получая за это вознаграждение в виде всевозможных привилегий, правительственных заказов, лицензий на экспорт и т. д. Но несомненно и то, что некото-

рые монополистические группировки прямо поддерживали на этот раз лейбористскую партию на выборах, исходя из более «высоких» соображений: в этих кругах считают, что перед лицом наступающего экономического кризиса и растущего недовольства среди рабочих все же выгоднее проводить внутреннюю и внешнюю политику Черчилля руками Эттли и Бевина.

Самое интересное — это то, что соглашение, заключенное между Сити и Моррисоном в качестве уполномоченного право-социалистического руководства, непосредственно отразилось в кандидатских списках, выдвинутых лейбористской партией. Даже согласно данным лейбористского секретариата, свыше 40 кандидатов и их агентов официально выступили в качестве представителей «демократического социализма». Таковы люди, которые составляли теперь левое ядро лейбористской фракции в новом парламенте.

Одновременно увеличилось количество депутатов из той секции трех-ионностной бюрократии, которая за последние годы особенно сблизилась с представителями монополистического капитала в управленческих «национализированных» промышленности. Лейбористская фракция кишит боссами из банковских и моррисоновских профессиональных монополий, чиновниками, получающими огромные оклады.

Все факты подтверждают, что Сити делал двойную ставку — и на консерваторов, и на лейбористов. Результаты этой тактики теперь ясны. Выборы были организованы по-американски, и новый парламент, заседающий в Вестминстерском дворце, — кровь от крови и плоть от плоти американского «буржуазного морганов и рокфеллеров». Финансовые короли Англии и многие паучи из своих американских собратьев, которые уже на протяжении десятилетий неизменно снабжают деньгами все «враждующие» партии в США — республиканцев и демократов, оказываются

таким образом в выигрыше при любом исходе парламентских выборов. Одновременно с агентами администрации плана Маршалла и эмиссарами ваппингтонского генерального штаба правая клика Англии импортировала в страну всю нехитрую механику американской «двухпартийной системы». Теперь, когда в новом парламенте фракции лейбористов и консерваторов почти уравновешивают друг друга, и та и другая более, чем когда-либо, зависят от мановения руки их общих хозяев. Ключи к английской палате общин в руках Сити и Уолл-стрит.

Только одна партия в Англии решительно выступила с совершенно четкой, боевой социалистической программой — программой спасения страны от кризиса, угрозы войны и потери национальной независимости — и противопоставила себя тайному блоку консервативных и лейбористских политиков: коммунистическая партия Англии. Но предвыборная кампания коммунистов проходила в исключительно сложных условиях. Им приходилось бороться против лейбористских плазидов, включившихся в английский рабочий класс, и в то же время против них были мобилизованы все силы правящего класса.

Отношение право-социалистических пропагандистов было в действительности полностью сосредоточено в левом направлении; на право лейбористская артиллерия была выслана. Но самым мощным оружием в руках Черчилля и Эттли против левого лагеря была сама избирательная система британской «демократии». Английское законодательство не признает пропорционального представительства. В каждом избирательном округе проходит лишь кандидат, получивший наибольшее количество голосов; голоса за остальных кандидатов не учитываются.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционные коллеги: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, П. ПРОНИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Английская молодежь, протестует против преступной политики войны, проводимой реакционным правительством. На снимке: группа студентов с плакатами, призывающими к борьбе с агрессивными планами правительства. На плакатах надписи: «Конец господству Уолл-стрит», «Масло вместо пушек», «Все на борьбу с консерваторами!», «Сторонники мира, объединяйтесь!» и т. п.

(Снимок из английского журнала «Челленджер».)